

- Армен Борисович, говорят, что вы не только на сцене, но и в жизни - философ. В чем заключается ваша жизненная философия?

- Один из персонажей пьесы «Беседы с Сократом» сказал фразу, которая может показаться опасной: «Я вслушиваюсь в свои желания и удовлетворяю их». Потом я читал у Пушкина: «...и никому отчета не давать, лишь самому себе служить и угождать». Но, конечно, на это нужно иметь право.

- Можно ли определить круг избранных, имеющих такое право?

- Как только мы с вами выведем такую формулу, совершим первую ошибку. Ведь природа создает всех очень разными. Один совершает подвиг, спасает людей, другой тоже совершает необычный поступок, тоже лидер, - но он разрушитель, фашист. Поэтому формулы или правил существовать не может. Когда Пушкин говорит, что он памятник себе воздвиг, никому в голову не приходит, что это нескромно. Потому что в наших глазах он имел на это право. Пушкин написал «Моцарта и Сальери». Я думаю, что там все далеко не так просто, как мы иногда трактуем. Потому что мы в своем подавляющем большинстве, конечно же, Сальери. И мы всегда сталкиваемся с этим типом взаимоотношений.

Существует театр, пришел новый режиссер, кому-то нравится то, что он делает, кому-то нет. И возникает опять тот же рисунок... Хотя одинаковых рисунков в природе и просто в жизни не бывает. Я был потрясен, узнав, что ребенок зебры узнает свою мать по рисунку. Кстати, вы когда-нибудь задумывались о том, что такое коллективное творчество?

- Если честно, то нет.

- Ну что ж, писатель или журналист может себе одиночество позволить. Перо, бумага, луна в окне, рядом кот на диване... А театр - это коллективное творчество. Я, как алкоголик, как наркоман - нахожусь в постоянной зависимости от коллег, от режиссера. В театре ребенок рождается в результате коллективного творческого акта... Я должен приблизиться, прикоснуться, отдать и взять энергию.

- Может быть, поэтому вы решили создать свой театр? Многие актеры жалуются на то, что их профессия слишком зависима...

- Я не готов ответить на этот вопрос. Мы заканчиваем всего лишь первый сезон. Выпустили три премьеры. Почти все творческие люди проходят сначала путь подражания, потом - опыта. Наверное, я сейчас вступил в этот условно называемый «период опыта»... Но ощущения у меня - как у боксера между раундами. То есть исследование, анализ «боя» еще впереди...

- Вы лет десять играли Сократа на сцене Театра имени Маяковского. Что это вам дало? Какой духовный опыт вы обрели?

- Трудно сказать. Потому что каждый раз, на каждой репетиции что-то происходило. Это как вот мы сейчас сидим, беседуем - и что-то меняется каждую секунду: поза, ход мыслей...

У меня есть сиамский кот Философ, которого я обожаю. Смотрю на него и чувствую: он никогда не приспособливается. Он ни за что не будет лежать в неудобной позе. Даже за кусок осетрины. А я сплошь и рядом приспособливаюсь - к людям, ситуациям. Как-то был у большого начальника, и он выразил симпатию к одному популярному эстраднему певцу. И я улыбался и подкакивал, хотя плохо знаю этого певца. Но у меня были дела, просьбы, и мне пришлось так себя вести. Это ненормально, неестественно. Но что делать? Даже Диоген в своей знаменитой бочке не ощущал себя абсолютно свободным и приспособливался.

- И все-таки ощущение такое, что вам-то как раз удалось обрести какую-то особую естество-

венность и душевное равновесие...

- Меня выручает профессия. Если я сфальшивлю где-то в жизни, то потом отыграюсь на сцене. Если с чем-то не согласен, у меня есть возможность сыграть так, чтобы сказать, выплеснуть этот протест. И здесь уж никто не на-

веди. Иначе возможна катастрофа...

- Думаю, что самое трудное, самое важное, самое горькое, самое сладкое - это ехать, соблюдая правила уличного движения. Никого не давить, но все равно ехать, как ты любишь, как умеешь, как считаешь правильным. Эйнштейн хо-

- А любовь? Как вы относитесь к любви?

- Любить трудно. Наверное, это могут не все. Нужен особый талант. Это удивительное космическое состояние, когда отдаешь все и не требуешь взамен ничего. Это страшная вещь. Возможно, многие просто бояться любить. У Миха-

- Да, рядом со мной, возможно, и трудно. Нужно уметь чуточку отстраняться. Между людьми должен быть воздух, к пониманию этого приходишь, к сожалению, иногда слишком поздно. Не обязательно все знать друг о друге, лезть, извините за выражение, за пазуху к супруге или супругу. Есть некий закон таинства. Самое сложное, непреодолимое, что создал Бог, - это разницу полов, биологический антагонизм. Два совершенно разных мира, хотя не хотят, объединены идеей продолжения рода.

- Но ведь случается, что мужчины и женщины в своих взаимоотношениях достигают гармонии?

- Очень редко. Чаще это компромисс. Я все больше уважаю это слово...

- А вам никогда не приходилось сомневаться в своем актерском призвании?

- Сомневаться можно во всем. Но осознать такое - начало самоубийства. Время от времени мы все говорим: «Как жить надоело». Но это всего лишь слово.

- Но если бы вдруг вас лишили возможности выходить на сцену, запретили играть - что тогда?

- Не могу, не могу такое представить. Но у меня ощущение, что мне все равно было бы интересно жить. Я очень люблю ходить по улицам, наблюдать и ощущать - лица, походки, запахи. Люди интересны везде - в магазине, на вокзале, в аэропорту. Наблюдать и размышлять, не будучи втянутым в интригу. Я столько раз бывал в экспедициях, на гастролях, и меня очень часто пытались научить играть в карты. Но так и не научили. Потому что мне было безумно интересно наблюдать, как играют другие, как меняются лица, двигаются руки. Люди в этот момент очень натуральны. Мне никогда не бывает скучно и с самим собой. Я люблю уединенность.

- А чем же занимаетесь в уединении?

- Кота своего люблю, книги, природу. Не было меня дней пять дома, так Фил (полное имя - Философ) бросается на меня, покусывает, он очень натурален. Вот в лесу как-то на белок смотрел, любовался... Читаю - с удовольствием - Довлатова, недавно под руку попала медицинская книга о гениальности. На тусовки не хожу. Неинтересно, неестественно. Актерский смех, богатая мимика...

- Москву любите?

- Очень. Я живу здесь с 1966 года. Люблю бродить по Старому Арбату. Вы не поверите, но мне здесь даже мусорные баки нравятся... И то, что Москва хорошеет, строится, растет, - это радует.

- Один философ говорил, что живых людей можно разделить на живых и мертвых. Как вы думаете, что он имел в виду?

- Общаться, выжделеть, любить, хотеть. Если человек способен испытывать боль сердцем, а не рассуждать «по поводу», значит, он живой. Если способен иметь свое мнение. Меня, например, нельзя уговорить, что картина хорошая только потому, что получила одиннадцать Оскаров. «Титаник», к примеру, на мой взгляд, плохая картина.

- А какие - хорошие?

- Хорошего не может быть много. Дидро говорил, если бы все было прекрасно, то не было бы прекрасного. Я люблю картины, музыку, людей, которые со мной беседуют. Не по типу «как там у вас зерновые идут». Знаете, в шахматах есть такое понятие - «некорректный ход». Это когда своего партнера считают за дурака. Я слушаю нынешнюю популярную эстрадную музыку, и мне кажется, что это некорректно. Орут, кричат, фонтанируют. Нормально скажи - я постарался понять. Никогда не любил джаз. Мне нравится, когда со мной разговаривают. Но не сюжет рассказывают, а о своих ощущениях. Когда есть диалог. Кажется, он у нас получился...

Татьяна ХАРЛАМОВА

Армен Джигарханян:

**ДЖИГАРХАНИЯ
АРМЕН БОРИСОВИЧ**
Народный артист СССР. Родился в 1935 г. В 1958 г. окончил Ереванский художественно-театральный институт. На сцене с 1955 г. С 1969 г. работал на сцене Московского театра имени Маяковского. Дебютировал в кинофильме «Обвал» (1960 год). Шесть лет спустя исполнил одну из своих лучших ролей в фильме «Здравствуй, это я!» Снимался в картинах «Трест», «Когда наступает сентябрь», «Шестое июля», «Новые приключения неуловимых», «Тегеран-43», «Место встречи изменить нельзя» и других.

В последние годы играл на сцене Театра Ленком. Год назад возглавил новый театр как художественный руководитель. Одна из первых премьер Театра Армена Джигарханяна - «Три сестры» по А. Чехову.

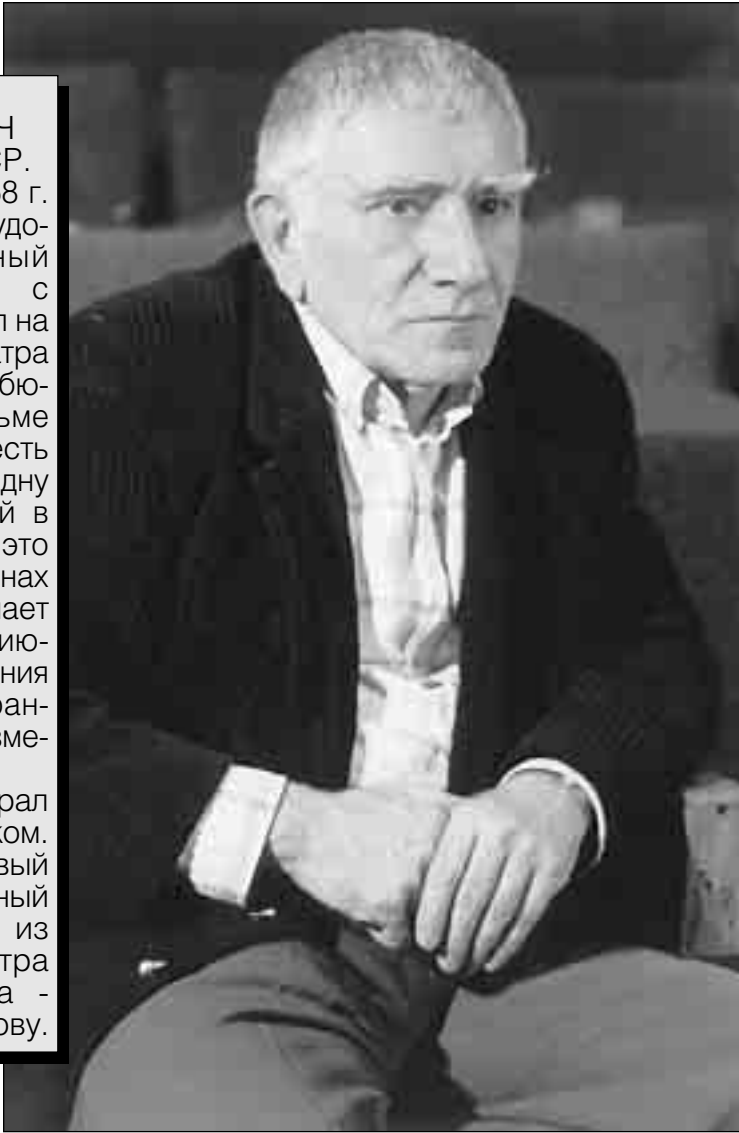

ФОТО МИХАИЛА ГИТЕМАНА

ЕЗЖАЙ КУДА ХОЧЕШЬ, ТОЛЬКО НИКОГО НЕ ДАВИ...

С Арменом Джигарханяном и легко, и трудно. Трудно потому, что он очень натурален и чувствует любую фальшь - как дети и кошки. Легко потому, что он очень интеллигентен и, страдая от фальши других, не кривит лица...

Он прекрасно водит машину, любит путешествовать, страстный болельщик футбола. Красавцем-сердцеедом его не назовешь, но у него много поклонниц среди зрительниц. Они видят в Армене Борисовиче настоящего мужчину, рядом с которым любая женщина чувствует себя защищенной. Как за каменной стеной. Чего стоит этот мудрый, строгий и слегка лукавый прищур глаз! Ничего напускного, ничего напоказ. Никакого высокомерия, снобизма, амбиций, свойственных творческим людям. Его любимая роль - Сократ. Потому что мудрец жил так, как проповедовал. А это труднее всего...

ступит мне на горло... На сцене я не угождаю и делаю со зрителем все, что хочу.

- Сейчас очень модно играть в мюзиклах. Как вы к ним относитесь? Не хотели бы поставить на сцене своего театра?

- Это не наш жанр. Мюзиклы, которые у нас идут, это какие-нибудь двадцать третьи копии американских мюзиклов. Зачем?

- Вы хотели бы переписать свою жизнь набело теперь, когда знаете, какие ошибки делали и как их исправить?

- Это моя жизнь, и я ни от чего в ней не отказываюсь. Те антибиотики, которые я принимал, когда мне было трудно, - это мои личные дела. И об этом я не рассказываю. Зачем? Жизнь в чем-то похожа на дорогу, по которой мчишься. Все меняется...

- Надо только соблюдать правила уличного движения, да? Как в жизни - Божьи запо-

тел предложить одиннадцатую заповедь: «Не бойся!»

- И вы не боитесь? Это в наше сложное время, когда просто страшно жить...

- Да, страхов хватает. Не туда пойду, не туда сверну, сломаю шею, страх за родных и близких. И все равно - не бойся!

- Знаю, что даже в самые тяжелые моменты жизни вы выходили на сцену и играли. Это что - тоже часть жизненной философии?

- Я не люблю навязывать, тиражировать свое плохое или хорошее настроение. К примеру, пришел на встречу с вами. Может быть, у меня в этот момент болит голова или накануне украли деньги. Но это мои личные проблемы. И делиться ими имеет смысл только в том случае, если человек может помочь. Иначе зачем я буду втягивать вас в это? С этого начинается уважение друг к другу.

ила Булгакова есть ремарка к одной пьесе: «Поднимаюсь в габельные выси». Это - о любви. Между делом нельзя, в свободное от работы время - так не бывает.

- Вы можете о себе сказать, что любите всю жизнь - театр, одну женщину, с которой вы вместе много лет?

- Не знаю. Мне кажется, что да. Но я могу заблуждаться. Ведь Лев Николаевич Толстой в свои семьдесят с лишним лет бежал из дома... Нет прибора, который все это определяет. Мэру и силу любви, преданности. Я могу принимать желаемое за действительное.

- С вами рядом, наверное, не так уж легко жить. Планка требований не то чтобы высока, но необычна. У вас редкий дар - абсолютный внутренний слух. Это когда человек ощущает малейшую фальшь - в словах, поступках. Как музыкант - в нотах...